

С точки зрения разума, Цзи Цинчжоу прекрасно понимал, что ему не стоит вмешиваться в это дело.

Он и сам — словно глиняный Будда, переправляющийся через реку:

Еле держусь на плаву, а тут ещё и переживает за жизнь Ту Даю — слишком уж это самонадеянно.

Но всё-таки Ту Даю был первым человеком, с которым он познакомился после своего «попадания» в этот мир. За эти дни, проведённые бок о бок, между ними установилась хоть и слабая, но всё же какая-то привязанность. Смотреть, как Ту Даю идёт на смерть, — для него это оказалось невыносимо.

В тот же вечер Цзи Цинчжоу взял кувшин вина и пошёл к Ту Даю.

— Вот это ты меня удивил, — сказал тот, глянув на кувшин. — Всего несколько дней во дворце, а уже и вино достал! — он радушно впустил Цзи Цинчжоу и достал вяленое мясо и сухофрукты к закуске.

Цзи Цинчжоу, крутя в пальцах арахис, с улыбкой сказал:

— Помнишь того слугу по имени Сяо Шань из дворцовой кухни? Ты меня с ним как-то знакомил. Сегодня я пошёл к нему и попросил вина — он даже не стал спрашивать, зачем, просто отдал.

— Мы с ним познакомились, когда я ещё подавал кушанья у трона. А потом... — Ту Даю вздохнул.

— После одной оплошности его сослали в кухонную службу. Мы, евнухи, кем бы ни стали, пусть даже займём место моего учителя, — для знатных особ всегда будем собаками, которых можно пнуть в любой момент.

Он залпом выпил чашку вина, и по его виду было видно, что на душе у него беспокойно.

Цзи Цинчжоу сдержал свои эмоции и поспешно подлил ему ещё.

Когда вино пошло уже третьей чашей, и обстановка разрядилась, Цзи Цинчжоу счёл, что пора начинать.

— Раз уж всё так, — начал он,

— А ты думаешь, я этого хочу?.. — Ту Даю на полуслове замолчал, резко посмотрел на него:

— Ты что-то знаешь?

Цзи Цинчжоу лишь усмехнулся:

— На дворцовом пиру много не наколдуюшь...

С этими словами он нарочито посмотрел на чашу в своих руках. Лицо Ту Даю тут же изменилось.

Перед тем как прийти, Цзи Цинчжоу долго размышлял: что могло случиться на пиру, чтобы регент пришёл в такую ярость, что казнил десятки евнухов и служанок? Ответ напрашивался сам собой — только отравление.

По словам Яо Чанъаня, рядом с регентом нет ни одного евнуха, только слуги из его собственного дома. Значит, единственная возможность подобраться к нему — во время пира, когда всё смешано, народу много и уследить за каждым невозможно.

— Откуда ты это знаешь? — с тревогой спросил Ту Даю.

— Неужели ты...

— Просто догадался, — спокойно ответил Цзи Цинчжоу.

Ту Даю помолчал, затем тяжело вздохнул:

— Ум у тебя, конечно, острый... Не знаю, как ты до этого додумался, но теперь уже всё решено. Назад пути нет. Так что... просто забудь, что знал об этом.

Цзи Цинчжоу замер: ему не угрожают, его не пугают, просто говорят — «забудь». Значит, либо Ту Даю доверяет ему, либо уверен, что даже если он что-то расскажет — это ничего не изменит.

— А знаешь, почему у регента до сих пор нет придворных евнухов? — вдруг спросил Цзи Цинчжоу.

— Говорят, он человек мягкий, не любит, когда кто-то суетится рядом, — ответил Ту Даю.

— С ним только домашние сопровождающие.

— Нет, — покачал головой Цзи Цинчжоу.

— Потому что в глубине души он невероятно осторожен и никому из дворца не доверяет. Он не пьёт вина из дворцовых погребов, не ест придворную еду. Но это не значит, что он не заметит, если вы всё-таки попытаетесь что-то подмешать.

— Откуда тебе это известно? — снова спросил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу подумал:

Потому что так было написано в книге. Регент — параноик и мститель до мозга костей!

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — с подозрением спросил Ту Даю.

— Потому что ты вытащил меня из Янтина. Я в долгу перед тобой, — ответил Цзи Цинчжоу.

— Если веришь мне — не действуй в ту ночь. Всё равно регент ничего не съест и не выпьет. А те, кто за тобой стоит, не узнают, что ты просто ничего не подмешал.

Глаза Ту Даю вспыхнули. Он прислушался к словам.

Цзи Цинчжоу понял, что сделал всё, что мог. Остальное — уже дело судьбы.

На следующий день Яо Чанъань привёл Цзи Цинчжоу в Императорскую библиотеку и подробно объяснил ему, как следует вести себя на службе, когда тот будет при регенте. Он даже поведал ему о вкусах и привычках самого регента, намекая, что если Цзи Цинчжоу сумеет ему понравиться — сможет остаться при нём.

Для любого евнуха это было бы поистине золотым назначением.

Цзи Цинчжоу краем глаза заметил, как один молодой евнух в сером одеянии, стоявший позади Яо Чанъаня, слушал с мечтательным выражением лица.

Он присмотрелся. Парня звали Гао Лян. Он выглядел смышлёным и амбициозным.

— Где ты сейчас на дежурстве? — негромко спросил Цзи Цинчжоу, когда представился случай.

— Раньше я чем-то не угодил учителю, так что меня отправили в Павильон Предков, — с горькой усмешкой ответил тот.

Павильон Предков — место, где хранятся таблички с именами умерших императоров. Туда регент с императором навещают только в праздники и дни поминовения. В остальное время — это самое пустынное место во дворце.

— Должно быть, там очень тихо... Даже завидую тебе, — с ленцой пробросил Цзи Цинчжоу, будто невзначай.

— А? — Гао Лян растерялся, но тут же сообразил, что это шутка.

Кому захочется менять службу при регенте на дежурство в мёртвом павильоне? Цзи Цинчжоу, видно, шутит...

И только на следующий день, когда Гао Лян задремал, прислонившись к колонне у входа в Павильон Предков, и его кто-то разбудил, положив руку на плечо, он понял:

Цзи Цинчжоу вовсе не шутил.

<http://bllate.org/book/12928/1134645>